

Полина Осетинская

ПРОЩАЙ,
ГРУСТЬ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ПРЕДИСЛОВИЕ

18 января 2008 года я провела в Москве презентацию своей книги «Прощай, грусть» и на следующее утро села в самолет, который летел в Америку. В самолете мы оказались на соседних креслах с одним знаменитым дирижером, всю дорогу разговаривали о Бахе, йоге и необходимости пить много воды в полете. По прибытии я поняла, что разболеваюсь, и все четыре дня, предназначенные для прогулок и деловых встреч в Нью-Йорке, провалялась в кровати с симптомами неизвестного вируса. Отправившись затем к маме – в Майами, еще две недели я просто спала в кровати, не понимая, почему вдруг меня покинули силы. По истечении этих двух недель я узнала, что беременна. Учитывая, что книга заканчивалась словами «моя жизнь только начинается», я могла бы догадаться раньше. Это действительно было начало абсолютно новой жизни – не только во мне как человеческом резервуаре, но и в моей душе, мыслях и профессии. Каждый последующий день и неделю я делала необыкновенные открытия, и ощущение чуда

не покидало меня. Когда же после рождения дочери Александры в моем мозгу взорвалось неоновыми буквами слово «счастье», смысл которого раньше был от меня скрыт, пришли совсем другие ощущения от игры на рояле. Мне решительно показалось, что всё, что было до этого, не имеет никакого смысла. Это был долгий путь, длиной еще в одну книгу, которую я неизвестно когда напишу, но, вполне вероятно, напишу, – а пока что спойлер: она будет про другое.

Что касается переиздания этой книги, то следовало бы написать к ней новое предисловие – и правда, я села писать его в прошлом феврале. Сначала у меня пропал текст, написанный в самолете Нью-Йорк – Дейтона (в этом самолете внезапно начала рожать женщина, и мы сели в другом аэропорту). Затем мир стал другим: наступил карантин из-за коронавируса COVID-19 и жизнь внешне как будто остановилась, при этом забурлив с невиданной силой в запертом на все замки доме. Летом мой отец попал в больницу, затем его перевезли в место его последнего обитания, куда я приехала прощаться – надежд на то, что он оттуда выйдет, было уже немного. 27 сентября, выйдя со сцены после концерта, я узнала, что отец умер.

Эту книгу я писала, будучи молодой бездетной тридцатилетней женщиной, полной радостных надежд на счастливое будущее, полной своих болезненных комплексов и стремления их преодолеть. За эти годы я успела стать матерью троим детям, создать семью, разойтись, пережить пару-тройку серьезных испытаний со здоровьем, переехать за город, вернуться обратно, сменить несколько мест обитания, обрести новых друзей, потерять любимых близких. Мой отсчет до последней черты уже значительно ближе, чем

был до этого. Опыт материнства открыл мне глаза на очень многие вещи.

И в связи с этим я хочу сказать, что многим лучшим в себе я обязана отцу. И да – незадолго до его смерти мы примирились. Я пообещала ему играть для него – он ответил: «Не надо, играй для себя».

Героиня этой книжки, эта маленькая девочка, она все дальше от меня нынешней. Но все же остается моей важной частью. Недаром все умные психологи скажут вам: «Станьте взрослым для своего внутреннего ребенка».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первое воспоминание детства – я лежу на полу в темной комнате и плачу.

Родители воспитывают во мне сильный и независимый характер, поэтому я должна находиться здесь до тех пор, пока не перестану реветь.

Сделать это крайне трудно, потому что, во-первых, они там, за стеной, и мне об этом известно, во-вторых, и это самое подлое, из-под двери пробивается тоненький лучик света из коридора. Понимаете? Жизнь там, а я здесь. Я – где тьма, меня лишают света. Я ползаю по полу, отчаянно пытаюсь выбраться, моя голова распухла от попыток выбить дверь и напряжением голосовых связок вкупе с активным слезоотделением. Мне кажется, это тянется целую вечность, хотя, скорее всего, не больше пары часов.

Никто не открывает, не спешит на помощь, не реагирует на мои отчаянные зовы.

И я потихоньку начинаю кое-что понимать про то, как тут у них все устроено.

Манипулировать можно только тем, кто слабее. Обнажая свои чувства, ты не трогаешь ничье сердце. Требуя, чтобы с тобой считались, ты ничего не добьешься. Возможно, они смеются, а может, им все

равно. В любом случае, пока я не изменю тактику поведения, я буду лежать на полу в темной комнате и смотреть на свет, который мне не принадлежит. Мне год и восемь месяцев.

Второе воспоминание: я стою на круглом столике уличной пивной в центре Таллина. Помните, такой колосс на одной ноге, непонятно каким образом выстаивающий, когда на него одновременно наваливается группа из пяти человек, у каждого из которых в руках по две пол-литровые кружки. (Совсем необъясним тот факт, что столик не падал, и когда все они разом начинали что-то друг другу доказывать. К примеру, «Спартак – чемпион!» или что «Фунт – голова». Очень занимательно. Я, помнится, застывала как вкопанная, чувствуя, что назревает подобная сцена.) Итак, со стола очень удобно обозревать красоты, мы – на полпути между урбанистическим Таллином, западного, как нам тогда кажется, толка, и игрушечным, но еще не засахаренно-карамельным Старым городом. Тем более что папа дал мне попробовать тот самый напиток, который пьют все располагающиеся за соседними столиками. Напиток желтовато-бурого цвета, горько-кислого вкуса, с довольно неприятным запахом и обильной пеной, стекающей по краям кружки. Называется пиво. Я социализируюсь. Мне два года.

Третье воспоминание. Меня в спешном порядке сажают в машину и увозят натурально в лес – прятать от мамы. Воздух прослоен паникой и азартом. Я этого азарта не разделяю, поскольку по маме отчаянно скучаю.

После того как мои родители разошлись, у них вошло в постоянную практику подворовывать друг у друга собственное чадо. Меня прятали в лесу, на

каких-то островах, в тайных квартирах, соблюдая все правила конспирации. Обзаводились целым штатом союзников и тщательно избегали ненужных свидетелей из стана врага (нет, до устранения дело не доходило), подкупали бабушек, брали в дело людей проверенных и в краже деток поднаторевших. Представляете, как мне повезло? Я живу как в настоящем детективе! Правда, я еще не вполне понимаю, что это такое – детектив, но расставания, бегство, погоня, опасность – все это мне уже знакомо. Начинается настоящая жизнь. Мне два с половиной года.

Мой отец, Олег Евгеньевич Осетинский, произошел на свет от бабушки Марии Дмитриевны, донской казачки, и дедушки Евгения Михайловича, наполовину поляка, наполовину грузина. Фамилия дедушки была Осятинский, с ударением на «я», и досталась ему от матери-польки. Но в какой-то момент в написание вкралась ошибка – наверное, учетчик актов гражданского состояния заслушался – патефон или закипающий самовар, – да и не стал потом переправлять, это уж как водится.

Дедушка, которого я уже не застала, был могучей личностью – помимо брака с моей бабушкой, который подарил им двоих сыновей, в других браках и привязанностях он дал жизнь еще пятнадцати детям!

Евгений Михайлович музицировал на фортепиано и пел отличным баритоном, отменно играл на бильярде, владел несколькими иностранными языками. По основной профессии он был инженером, переезжал с одного объекта на другой, становился крупным начальником, будучи при этом беспартийным.

Строил Магнитку, пока в 1938 году его не посадили. После его ареста бабушка пешком с двумя детьми под мышкой отправилась в Москву. Там они и встретились с бабушкой, когда того чудом отпустили под амнистию – при смене Ежова на Берия. После тюрьмы его долго не допускали до объектов государственной важности, но поселили с семьей в гостинице «Москва». Дед развлекался тем, что ежедневно разыгрывал в гостиничной бильярдной партии с Василием Сталиным.

После войны он отправился на золотые прииски в Магадан, бабушка с ним ехать не захотела, мотивировав это тем, что детям надо учиться в Москве. Зато вслед за ним в Магадан отправилась племянница Константина Сергеевича Станиславского, служившая у деда секретаршей. Вернулась она из Магадана с тремя детьми, прижитыми от обладателя великолепного баритона. Евгений Михайлович, возвратившись в Москву, пришел к бабушке на Кутузовский проспект (на котором по странному стечению обстоятельств теперь живу и я) с повинной. Но гордая казачка его не простила, хотя великодушно поставила раскладушку, на которой он и жил до конца своих дней, наступившего безвременно. Умер он от несчастного случая – ему защемило дверьми ногу в троллейбусе, он упал. Проехав по земле остановку, дедушка скончался.

Красавица Мария Дмитриевна, властная, с сильным характером, огромными голубыми глазами и дивной фигурой, женщина еще не старая, замуж больше не вышла. Всю дальнейшую жизнь она посвятила детям, внукам и игре в карты – у нее была компания карточных партнеров.

Младший ее сын, мой дядя Юрий Евгеньевич, женился и переехал в Днепропетровск, откуда была

родом его супруга Надежда. У них родился сын Олег. В возрасте сорока шести лет Юрий умер от цирроза печени, Надежду лишили родительских прав по причине алкоголизма, а Олега усыновил мой отец, забрав его к нам в Москву. В Олеге-младшем с этого момента бабушка находила и смысл существования, и утешение своей не слишком счастливой жизни.

К моменту моего появления на свет отец является довольно известным киносценаристом. Уже вышли «Звезда пленительного счастья» и «Взлет», скоро появится «Михайло Ломоносов». В кино он пришел, увидев фильм Калатозова и Урусевского «Летят журавли». Эта работа потрясла его до такой степени, что он немедленно решил связать свою жизнь с кинематографом и поступил на Высшие режиссерские курсы в мастерскую Михаила Ромма. Но степень его известности в народе несравнима с его блистательной славой в среде московской богемы.

Многие считают его сумасшедшим, некоторые – гениальным, кому-то в драках он сломал руку или ногу, а с кем-то выпил пятнадцать раз на брудершафт.

Моя мать, Елена Владимировна Мантурова, родилась совсем в иной семье.

Фамилия эта фигурирует в книгах с середины XVII века, когда им было пожаловано дворянство. Все как полагается: деревни, усадьбы, крепостные.

Из которых и вышли мои предки по материнской линии. И со стороны отца, и со стороны матери все были крестьянами, кто-то сапоги тачал, кто-то землю пахал.

Прабабушка Елена Никитична служила горничной в графской усадьбе Мантуровых. Граф с супругой были бездетны. Согласно семейной легенде, граф Мантуров согрешил с Еленой Никитичной, и появился у нее сын Владимир, мой дедушка. Граф слезно

умолял отдать им маленького Володю на воспитание, но тут подоспела Февральская революция, и благородное семейство отбыло за границу. Перед отъездом граф с супругой замуровали в кладку стены большую часть фамильных драгоценностей и указали тайник прабабке, строго повелев стеречь имущество. Как и большинство дворянских семей, они надеялись переждать смутные времена в Европе и не сомневались, что скоро вернуться.

Никуда они, понятно, не вернулись, а у прабабки вскоре подросли две дочки на выданье. За одной, Анютой, ухаживал начальник ЧК. Он ли расколол Елену Никитичну, она ли по своей воле решила обеспечить дочек графским приданым – тайна сия велика есть. Но факт – чекист с прабабкой вскрыли стену и распределили припрятанные от советской власти сокровища между дочерьми. Дед же мой, прямое следствие мезальянса, остался обделенным не только наследством, но и тайной своего происхождения – прабабушка созналась за неделю до кончины. Приехала на дачу, разомлела на солнышке и, видимо предчувствуя скорый финал земного пути, излила душу.

Матери моей достался от этой истории батистовый платочек с графскими вензелями, уж как она его берегла, пока не истлел.

Другая моя прабабушка по материнской линии, Евдокия Фоминична Ратникова, урожденная Лебедева, была работающей крестьянкой. Жажда труда была в ней столь велика, что в девичестве ее со всей семьей трижды раскулачили. Была она очень красива: рыжеволосая, зеленоглазая, витальная, с прекрасным чувством юмора.

Такой ее полюбил мой прадед Дмитрий Степанович, значительно моложе, но бывший к тому времени

председателем колхоза. Вышла она за него, спасаясь от очередного раскулачивания, любви там не было, но всю жизнь она соблюдала долг и хранила семейные ценности.

Дмитрия Степановича вскоре отправили из Смоленской губернии, где он председательствовал, на учебу в Москву. Первое время семья Ратниковых обосновалась на Беговой в бараках, там родились две их дочери. Вскоре прадед выучился на инженера-строителя и, поскольку Москва в то время начинала бурно строиться, быстро стал незаменимым. Им выдали шикарную по тем временам жилплощадь – две отдельные комнаты в коммуналке на Суцевском Валу – и даже провели телефон. В 41-м, перед началом войны, Дмитрий Степанович выпил в жару ледяного пива, заболел воспалением легких и скоропостижно умер. Моей бабушке Анастасии было к тому моменту семнадцать лет.

Баба Дуня, как ее называли в семье, утрату перенесла стойко и продолжала крепко и красиво вести дом, с пирогами по субботам, накрахмаленными подзорами и вышитыми салфетками. В ней сочетались истинная, тихая религиозность с ежедневными молитвами, старыми иконами и лампадкой – с ярким азартом футбольной и хоккейной болельщицы. И, как впоследствии утверждали домашние, она была даже влюблена в Яшина. Мир праху ее.

А оттуда уже недалеко и до рождения моей мамы. Бабушка Анастасия, ставшая учительницей начальных классов, повстречала дедушку Владимира, который, кстати, всю войну строил самолеты. Они поженились и родили двух дочерей – старшую Елену и младшую Валентину.

Таков вкратце сюжет двух разных линий моей генеалогии, многие детали которой меня восхищают.

Но, к сожалению, полной картины я не знаю, а выяснить уже не у кого. Случается, я испытываю зависть к гипотетическим незнакомым семьям, в которых сохранились дореволюционные фотографии, старые детские куклы, забавные истории про прадеда-кадета или гимназистку-отличницу, троюродную сестру матери. Есть в этом какое-то тайное благородство, чувство защищенности, спаянности родства, неразрывности связей. Покрова от враждебной реальности, ощущения истаивающего времени.

Мои родители познакомились случайно, вскоре отец уехал в Коктебель, а по возвращении пригласил маму на премьеру «Дон Жуана» Анатолия Эфроса в Театр на Малой Бронной. Этот вечер ознаменовался сразу несколькими событиями, но позволю себе их в некотором роде предварить.

Папа к тому времени был пять раз женат и имел двоих дочерей: от первой жены Марины дочь Наталию и от четвертой жены Ольги дочь Марию. Натали была первой отцовской попыткой осуществить заветную мечту – сделать из дочки великую пианистку. Он забрал ее от жены и приступил к делу. Правда, начали они со спорта – Наташа долго и успешно занималась теннисом со знаменитым тренером Тепляковой, но вскоре дошло и до музыки. В четвертом классе Наташа поступила в Центральную музыкальную школу к Елене Рихтер, что само по себе было довольно неожиданно, поскольку занималась она до этого совсем недолго.

В тот вечер, когда мой будущий отец впервые привел маму к себе на угол Большой Бронной и Богословского переуллка, бабушка Мария Дмитриевна сломала руку. Узнав об этом, испуганная Наташа прибежала

из школы домой, пропустив специальность у Рихтер. Вышел неприятный скандал – отец сказал дочке энное количество слов в не самой изысканной форме (не желая признать в этом поступке благородных внучатых порывов), после которых девочка сбежала из дому. Естественно, он ожидал ее скорейшего возвращения с повинной. Но Натали никогда не вернулась, став в семейной истории первой дочерью-бегуньей.

А моя мама с того дня переехала в квартиру на первом этаже с двумя роялями и тремя собаками. Потом этот чудесный дом снесли и выстроили на его месте гастроном-стекляшку, мимо которого я всегда прохожу с горьким чувством изгнанника, лишенного родины.

Ко времени моего рождения отец с матерью прожили вместе около трех лет – в браке они не состояли.

Мама, хохотушка-красавица, моложе отца на четырнадцать лет, все происходящее воспринимала как открытие новой Вселенной.

Отец, всю жизнь пестующий в себе Пигмалиона, немедленно приступил к изготовлению очередной Галатеи. Он разработал для нее новый стиль, придумывал ей наряды и образы, дабы полностью устранить советский дух во всех представленных вариантах. Но главной задачей было вдохнуть в душу Галатеи жажду творчества и раскрыть для нее мир Серебряного века – Цветаева, Ахматова, Пастернак – плюс общий для диссидентов той поры набор: «Архипелаг ГУЛАГ», Бродский, et cetera.

Мама немедленно принялась писать стихи, обучаться игре на фортепиано, задумалась о карьере актрисы – словом, погрузилась в волшебный мир и задышала полной грудью. Но мечтания души

невинной отец быстро пресек, заявив, что про актрису он и слышать ничего не желает: «Хватит с меня одной актрисы!» – его предыдущая жена Ольга, родившая дочь Машу, училась на курсах Аллы Тарасовой. Видимо, два деятеля кино, да еще с таким горячим темпераментом, в одной семье уживаются редко.

Завершив эту гневную тираду многозначительной фразой: «И вообще, лучший университет – жизнь со мной!» – отец лишил маму возможности мнить себя будущей Сарой Бернар. Что правильно – дома разыгрывался театр не хуже «Комеди Франсез». Живших в непосредственной близости с Московским художественным театром, Театром имени Пушкина, консерваторией, Театром на Малой Бронной, старым Домом актера, который располагался на пересечении улицы Горького, ныне Тверской, и Страстного бульвара, родителей ежевечерне навещали актеры, музыканты, художники, поэты, композиторы. Избежать этого было невозможно – мимоходящие запросто стучали в окно с улицы и ступали на порог. Долгие споры, разговоры за полночь, чтение вслух стихов и прозы, вино.

Сами родители почти каждый день ходили в консерваторию, почти никогда не покупая билетов. В то время концерты в Малом зале были бесплатные, а для прохода в Большой зал была своя система: надо было направиться в буфет, бывший в то время на первом этаже перед контролем, и провести там за пивом или лимонадом минут десять-пятнадцать. После этого билетерши, как правило, уходили домой, и путь наверх в зал был открыт. Благословенные времена!

Исключениями были концерты Рихтера и Гилельса – на них билетерши пребывали до последнего. Но на эти концерты моему отцу выдавал контрамарки

бессменный директор Большого зала Владимир Емельянович Захаров. Он служит там и сейчас и, надеюсь, не расстанется со своим кабинетом еще очень долго.

Начало моей жизни в утробе матери сопровождалось прогулками по Тверскому бульвару с собаками под нежным весенним солнцем. Наверно, поэтому меня тянет туда, как преступника на место преступления, и, выбирая между разными вариантами, я всегда предпочитаю этот путь. Нет места в Москве, которое я любила бы больше.

Мама много слушала Баха, Моцарта и Шостаковича. В определенном смысле это на меня довольно сильно повлияло. Мне не под силу вычислить алгоритм пренатального формирования, но музыка Иоганна Себастьяна Баха на всю жизнь остается моей самой глубокой привязанностью. Безусловно, привязанность приросла знанием, пониманием (в меру способностей) и осознанным чувством, но интуитивное подсознательное все же срабатывает на уровне до-знания. Это – главное, и в череде моих увлечений в разные периоды тем или иным автором место Баха в моем личном пантеоне всегда остается неизменно выше ватерлинии, ниже которой протекают мои душевные пристрастия.

Очевидно, Моцарт попадался матери в руки в минуты сильных душевных или физических волнений, ибо далеко не все им написанное вызывает во мне позитивный эмоциональный отклик. При исполнении Моцарта я часто испытываю раздражение, особенно когда имею дело с двойным заказом – произведением, написанным им по поводу на скорую руку и предложенным мне для исполнения. Не испытываю ничего подобного, когда исполняю или слушаю его шедевры, будь они признаны таковыми единично мной

или всем человечеством. Бывает, играешь трио или сонату и на зубах поскрипывает от множественных самоповторов, не несущего никакой информации пустого набора нот, и вдруг – о, чудо! Божественные четыре такта, за которые не жаль расстаться с жизнью. Моцарт. Как часто слышишь: чтобы играть Моцарта, надо быть или неискушенным ребенком, либо просветленным стариком, достигшим вершин мудрости. Подожду, что ли.

А вот музыка Шостаковича всегда заставляла кожей ощущать органическое сродство. Как мне наивно кажется, отчасти оттого, что несколько месяцев до его смерти я все-таки уже была на земле в виде зародыша. Пусть ненадолго, но мы пересеклись. Как у Марины Цветаевой – «родство по крови грубо и прочно, родство по избранию – тонко». Часто, находясь под воздействием Шостаковича, я начинаю физически болеть, его музыка проходит сквозь меня, задевая все артерии, втекая в вены, отдается болью в висках и выворачивает внутренности. Неоднократно случалось, что, доиграв Вторую фортепианную или Альтовую (последнее сочинение Шостаковича) сонату или какое-либо другое сочинение, я не могла уйти со сцены: подкашивались ноги, сводило руки и туман в глазах.

Такое музыкальное образование я получала до рождения. Сей факт должен был состояться, по прогнозам матери, 10 декабря. Обещала она это с июля. Утром 10 декабря мама зашла в Дом кино попрощаться с друзьями. «Как, ты же уже должна рожать?» – «Да я как раз туда и направляюсь!» Процесс моего рождения был засвидетельствован группой студентов-практикантов и свежееиспеченным доктором. В общем, аудитория была многочисленная, и, если развивать

тему предопределенности, отсутствие страха перед сценой можно объяснить тем, что находиться под испытующими взглядами я приучена смолоду.

Чего не скажешь о маме – это ввело ее в некоторый ступор, и она опоздала к обещанному сроку. Впрочем, нечетные цифры открывают больший простор для фантазии, все в них не закольцовано и асимметрично, то есть аналогично человеческой природе и не может не вызывать доверия.

Музыку я впитывала до, во время и всегда после рождения. Она звучала в доме постоянно – отобранные отцом и матерью произведения. Первыми (а может, не первыми, но сохранившимися в памяти как первые) музыкальными фрагментами для меня стали «Вальс-фантазия» Глинки и затертая пластинка с пьесой Невина «Венок из роз». Кто есть этот автор, я так до сих пор и не удосужилась выяснить – не хочется разрушать бесплотные детские воспоминания. Это было нечто прекрасное/возвышенное, а послушай я это сейчас, вполне вероятно, испытаю разочарование. Часто мы не выдерживаем столкновения с былой первой любовью, овеществленной или очеловеченной – не правда ли? Подвергать ревизии это немного, подернутое паутиной, я не рискую – если, конечно, не преследую цели препарировать и низложить объекты давней страсти.

Велик соблазн остановиться на милых моему сердцу деталях: освоении азбуки под непосредственным контролем бабушки Анастасии, или никогда более мне не встречавшемся способе приготовления яйца к завтраку, которым в совершенстве владел дедушка Владимир, или попытках матери петь колыбельные, что всегда оканчивалось трагически – я вставала на кровати и говорила: «Мама, умоляю, не пой!» Как

я сейчас понимаю, связано это было с неидеальным маминым интонированием, вызывавшим во мне глубокое огорчение. Не знаю, служит ли это доказательством врожденного абсолютного слуха, но то, что это врожденный максимализм, – более чем вероятно.

Или вот еще занятная деталь: я никак не могла усвоить, что такое деньги и для чего они нужны. Однажды мама отправила меня на рынок, располагавшийся во дворе нашего дома, выдав бумажный рубль и наказав купить пучок редиски и укроп. Спустившись, я выбрала продавца по своему вкусу, кареглазого брүнета, и изложила ему свои нужды. Получив искомое, я сбила его с толку вопросом: теперь мы с вами должны оторвать от рубля 50 копеек? Тут он стал мне объяснять про медную сдачу, но я и слышать не хотела – лишиться бумажного рубля, получив взамен грудку мелочи, мне казалось недостойной махинацией. Так мы препирались до тех пор, пока обессиленный продавец не проявил свойственную его нации щедрость, подарив мне редиску и укроп.

А вот еще эскапада из четырех лет: изыскав повод обидеться на маму, я решила жить самостоятельно. Сказано – сделано. Я нацепила мамины туфли на каблуках и отправилась пешком к своей крестной матери Галине Шабановой, художнице.

Она жила в сталинском доме на Новослободской, в пятикомнатной квартире, полной картин, мебели красного дерева, раскинутых по креслам шалей и платков, сундуков с разными сокровищами – от кружев рিশелье до старинных украшений, большим черным роялем и собакой. В общем, их дом был для меня абсолютным сказочным королевством наяву, а Галины дочери – старшая Настя и младшая Даша,

с которой нас вместе крестили, – принцессами из другой, прекрасной жизни. Меж тем от нашего дома до шабановского было не менее сорока минут ходу, путь пролегал мимо трамвайных путей, отделения милиции с доской «Разыскивается опасный преступник», которым в то время был маньяк – похититель детей, и большой дороги, перейти которую в одиночку считалось подвигом. Нашедшая меня у Гали спустя пять часов мама еще долго ахала: как же ты дошла? На каблуках? Одна? Но я, полагавшая, что отныне буду жить только так, гордо перешагивая трамвайные пути в туфлях 37-го размера, довольно ухмылялась.

Похожие чувства я испытывала в ресторанах Дома кино и Центрального дома литераторов, куда брал меня отец по вечерам, плавно перетекавшим в рассвет. Пока гуляла шумная компания с ним во главе, я обходила все столы в ресторане и пела колыбельные, нимало не интересуясь, хочет ли эта отяжелевшая публика выслушивать мои песни. Было заманчиво ощутить себя доброй феей, усыпляющей всех своими благостными переливами.

Заканчивалось шоу, как правило, тем, что какой-нибудь подвыпивший шестидесятник, мучимый колыбельной из «Спокойной ночи, малыши» вместо любимого Галича, спрашивал: «Девочка, что ты здесь делаешь и где твои родители?» Потом маме звонили возмущенные тети: «Как же это вы позволяете ребенку шляться по ресторанам в три часа ночи? Безобразие, женщина!»

Еще одно ресторанное воспоминание связано с концертом «Аквариума», который организовал отец под вывеской своего творческого вечера в одном из НИИ. Закончился этот триумфальный концерт банкетом в «Метрополе», с которого я в компании

одной поклонницы Бориса Гребенщикова уползла в темный коридор якобы с целью игры в прятки, чем немедленно спровоцировала поток страстных откровений с ее стороны. Поделиться бедной девушке было больше не с кем.

Группа «Аквариум» тогда находилась в глубоком подполье и была широко известна в узком кругу питерского андеграунда. Каким образом этот лагерь пересекся с моим отцом, мне неизвестно, но «Аквариум», Майк Науменко и Сергей Рыженко довольно много времени проводили в нашей квартире на Колхозной. Видимо, отец был увлечен их творчеством и оказывал всяческую поддержку, вплоть до редактирования текстов и музыки. Эта взаимовыгодная связь, зачинавшаяся в коммуналках на знаменитых квартирниках – тайных концертах, о которых оповещали исключительно посвященных, коих было достаточно, чтобы превратить небольшую квартиру в филиал «Сайгона», – по истечении времени трансформировалась в нечто совершенно буржуазное.

Примерная визуализация: трехкомнатный люкс отеля «Астория», черные кожаные диваны, выполняющие функции баррикад – мы с братом Олегом играем в Карфаген, чугунные чернильницы в руках и «смуглым золотом Исаакий» в окне. Утро. Входит группа «Аквариум» в полном составе, рассаживается на стульях в гостиной и достает из футляров инструменты.

Звонок в дверь – официант вкатывает накрытый белоснежной скатертью столик с завтраком и ставит его перед отцом.

После чего начинается концерт – для одного слушателя (дети не в счет). Отец, выпивая и закусывая, время от времени важно подает реплики: не та гармония!

Срочно заменить рифму! А вот это талантливо! Время от времени над всем этим благолепием просвистывает пепельница, которую я запускаю во вражескую станицу – голову брата. Тщетно меня пытаются привлечь к прекрасному – я всегда скашиваю глаза на близлежащую куклу, вместо того чтобы ловить пряные ассоциации и поразительные по смелости тексты.

Вскоре пути музыкального андеграунда и моего отца разошлись и период нашего домашнего рок-музицирования закончился. Но вспоминать об этом приятно.

Как и о путешествиях, которые тогда еще не были продиктованы концертным графиком. Например, о ежегодных поездках по Прибалтике или о чудесных посещениях Пушкинских Гор, Михайловского и окрестностей.

Директором музея-заповедника «Михайловское» служил легендарный Семен Степанович Гейченко, посвятивший восстановлению Михайловского и окрестностей без малого полвека. Останавливались мы всегда в гостинице Пушкинских Гор, на территории монастыря, где похоронен Пушкин, располагавшейся в тогда еще бывших, а ныне действующих монастырских кельях. Часто по ночам мы поднимались на могилу Пушкина и дышали, читали, впитывали и фантазировали.

В силу того, что в период нашего с Гейченко общения я была мала и не могла оценить масштаб этого человека, мое внимание фокусировалось на деталях. Не единожды он позволял мне играть на инструменте, стоявшем в усадьбе, на котором играл еще Михаил Иванович Глинка. Семен Степанович с супругой жили на территории усадьбы

в небольшом уютном домике и всех гостей всегда усаживали за большой стол и поили чаем из самовара. Самовары они собирали, и под эту коллекцию была отведена специальная конструкция длиной в целую стену. Однажды Гейченко, который ласково звал меня Маргафонтьевна, предложил выбрать один из своих экземпляров в подарок. Недолго думая, я ткнула пальцем в большой серебряный самовар, стоявший на верхней полке. В этот момент лицо супруги Семена Степановича приобрело землистый оттенок, а сам Гейченко, смутившись, стал объяснять, что этот самовар он никак не может мне презентовать, ибо он принадлежал Екатерине Второй. В утешение он предлагает мне маленький и очень изящный самовар, выточенный из дерева. Но я решительно отказываюсь, о чем не перестаю жалеть до сих пор.

Факт отказа от самовара Гейченко еще долго обсуждался тем вечером на одном из пресловутых квартирников и чуть не привел меня к решению больше никогда не отказываться ни от одного подарка – так меня стыдили окружающие.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА